

П о л е м и к а.

Въ защиту интуитивизма.

(По поводу статьи С. Аскольдова „Новая гносеологическая теорія Н. О. Лосского“ и статьи проф. Л. Лопатина „Новая теорія познанія“.)

Моя книга «Обоснованіе интуитивизма» вызвала (кромѣ краткихъ рецензій) слѣдующія извѣстныя мнѣ обстоятельныя критическія статьи: въ «Журналѣ Министерства Народного Просвѣщенія» за 1906 г. (октябрь) статью С. Аскольдова «Новая гносеологическая теорія Н. О. Лосского» и въ «Вопросахъ философіи и психологіи», (1907 г. мартъ—апрѣль, кн. 87) статью проф. Л. Лопатина «Новая теорія познанія».

Возраженія противъ «Интуитивизма», сдѣланныя моими поченными критиками, могутъ быть распределены въ три группы: методологическія возраженія, историческія возраженія и возраженія по существу.

Существенный методологический недостатокъ «Обоснованія интуитивизма» проф. Лопатинъ видитъ въ слѣдующемъ: «Авторъ», говоритъ онъ, «задался цѣлью писать гносеологическое, даже пропедевтическое только изслѣдованіе; а на самомъ дѣлѣ онъ решаетъ чисто онтологическую проблему, даже цѣлый рядъ онтологическихъ проблемъ» (стр. 200).

«Въ такомъ превращеніи гносеологической задачи въ несомнѣнно метафизическую еще не было бы большой бѣды, если бы авторъ понялъ и оцѣнилъ вытекающія изъ него методологическія послѣдствія и сдѣлалъ свое изслѣдованіе тѣмъ, чѣмъ оно въ такомъ случаѣ должно быть: всестороннимъ изслѣдованіемъ онтологическихъ условій познанія во всей широтѣ этого понятія. Между тѣмъ онъ поступилъ какъ разъ наоборотъ: въ

мнимо гносеологическомъ характерѣ своей задачи онъ увидѣлъ полное извиненіе для того, чтобы никакихъ онтологическихъ проблемъ не решать, а предоставить ихъ решеніе кому то другому» (стр. 201).

Иными словами, проф. Лопатинъ полагаетъ, что необходимо или строить гносеологію безъ всякою отношенія къ онтологіи или, какъ разъ наоборотъ, решать для цѣлей гносеологіи онтологическія проблемы до конца.

«Обоснованіе интуитивизма» построено прямо противоположнымъ методомъ: въ немъ постоянно затрагиваются онтологическія проблемы, но решаются онѣ лишь настолько, насколько это необходимо для выясненія структуры знанія, т.-е. структуры сужденія, въ остальномъ же вопросъ оставляется открытымъ и допускающимъ самыя разнообразныя решенія, подъ тѣмъ лишь условиемъ, чтобы требованія, предъявленные гносеологію, были приняты въ расчетъ. Поэтому въ «Обоснованіи интуитивизма» часто встречается заявленіе, что окончательное решеніе вопроса (напр., о природѣ пространства, времени) предоставляется «онтологіи будущаго», а иногда даже и физіологии (напр., о трансъ-субъективныхъ внутрѣлесныхъ элементахъ зрительныхъ и слуховыхъ восприятій и т. п.), и всякое такое заявленіе вызываетъ протесты проф. Лопатина. Страннымъ образомъ, именно тотъ методологический приемъ, который явился не по случайному недосмотру, а сознательно культивируется въ «Обоснованіи интуитивизма» и рассматривается авторомъ, какъ своего рода заслуга—расчлененіе сложной проблемы міра и решеніе въ первую голову лишь той стороны ея, которая имѣетъ значеніе для знанія, подвергается строгому осужденію проф. Лопатина. Почему?—Можетъ быть, потому, что проф. Лопатинъ поклонникъ этого метода расчлененія проблемъ, но требуетъ еще большей послѣдовательности въ примѣненіи его, именно требуетъ столь полного расчлененія проблемы міра на гносеологическую и онтологическую проблемы, чтобы гносеологія даже и не касалась онтологіи и не давала ей никакихъ директивъ. Но очевидно, что это требованіе невыполнимо: всѣ стороны міра связаны другъ съ другомъ настолько тѣсно, что решеніе вопроса объ одной изъ нихъ содержитъ въ себѣ также нѣкоторые элементы решенія остальныхъ вопросовъ. Такъ, сторонники трансцендентныхъ рационалистическихъ теорій знанія считаютъ знаніе состо-

яніемъ субъекта (состояніемъ мыслящаго я); что же это, какъ не онтологическая квалификація знанія, чреватая послѣдствіями не только для ученія о знаніи, но и для всей онтологии, напр., для ученія о матерії.

Замѣчательно, что если эти решенія смежныхъ вопросовъ имѣютъ отрицательный характеръ, напр., если гносеология содержитъ въ себѣ отрицательныя решенія онтологическихъ проблемъ, то мы этихъ отрицательныхъ отношеній между гносеологіею и онтологіею не замѣчаемъ, и у насть является иллюзія, будто намъ удалось построить чистую гносеологію безъ всякой связи съ онтологіею. Такъ, кантіанцы устанавливаютъ въ гносеологии, что пространство и время суть не субстанціи и не отношенія между реальными вещами, а только формы чувственности познающаго субъекта, и при этомъ часто не замѣчаютъ, что такое отрицательное решеніе вопроса о реальности пространства и времени есть онтологическая квалификація пространства и времени; если бы кто-либо усомнился въ этомъ, тому слѣдуетъ вспомнить, какое значение имѣеть это ученіе о пространствѣ для метафизики (имманентной) кантіанцевъ, напр., для той системы ученій, которую Кантъ назвалъ «Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft».

Если присмотрѣться къ этимъ связямъ замѣчательнѣйшихъ въ философской литературѣ гносеологій съ онтологіею, то придется признать, что «Обоснованіе интуитивизма» въ гораздо меньшей степени предрѣшаетъ онтологическія проблемы, именно ставитъ онтологии директивы въ весьма абстрактной формѣ, наполнимой самимъ разнообразнымъ содержаніемъ, въ родѣ того, какъ ариѳметика устанавливаетъ требование, чтобы отношеніе 6 къ 3 разсматривалось, какъ равное двумъ, но вовсе не предопредѣляетъ, какія свойства вещей, изслѣдуемыхъ съ количественной стороны физикою (напр., удѣльные вѣса), химіею и т. п. выражаются этими цифрами. Такъ, мы показываемъ, что знаніе возможно не иначе, какъ въ томъ случаѣ, если элементы дѣйствительности находятся въ функциональной зависимости другъ отъ друга, но мы вовсе не рассматриваемъ видовъ этой зависимости, напр., вопроса о субстанціальныхъ единствахъ и т. п. Точно такъ же, изслѣдуя общеобязательность и всеобщность сужденій, мы предъявляемъ онтологии требование построить такую теорію пространства и времени, которая показала бы

производность пространства и времени изъ свойствъ бытія непространственного и внѣвременного, такъ какъ лишь при этомъ условіи возможно, что *содержаніемъ* акта сужденія служить бытіе, находящееся въ иномъ времени и пространствѣ, чѣмъ актъ сужденія, направленный на это содержаніе. Очевидно, это требование можетъ быть удовлетворено съ помощью самыхъ разнообразныхъ ученій о происхожденіи времени и пространства. Наши частыя упоминанія о томъ, что дальнѣйшее рѣшеніе проблемы предоставляетъся онтологіи и другимъ наукамъ, объясняется именно желаніемъ подчеркнуть значительную долю свободы этихъ наукъ и сознаніемъ того, что мы менѣе связываемъ онтологію, чѣмъ другія теоріи знанія (напр., оставляемъ открытымъ вопросъ о существованіи *непсихической* бытія, въ родѣ матеріи). Итакъ, «Обоснованіе интуитивизма» не заслуживаетъ упрека въ слишкомъ тѣсной связи съ онтологіею, но, можетъ быть, оно заслуживаетъ противоположного упрека? Можетъ быть, намъ посовѣтовали бы строить теорію знанія, какъ это дѣлаетъ, напр., Лейбницъ, въ связи съ вполнѣ развитою онтологіею и даже на основѣ ея? Въ отвѣтъ на этотъ совѣтъ мы бы напомнили, что расчлененіе проблемъ вообще считается цѣннымъ методологическимъ пріемомъ, и что многоувѣковое развитіе философіи привело въ особенности гносеологію къ тому именно пути, который мы предпочли (хотя, конечно, правила о путяхъ изслѣдованія не могутъ быть абсолютными, и, можетъ быть, въ будущемъ найдутся иные способы созиданія цѣльного непротиворѣчиваго міровоззрѣнія).

Только одно требование проф. Лопатина въ вопросѣ о связи гносеологии и онтологии мы вполнѣ принимаемъ, именно требование, чтобы въ гносеологии была показана, по крайней мѣрѣ, «логическая мыслимость (стр. 201) тѣхъ преобразованій, которые намѣчены нами для онтологіи, напр., логическая мыслимость рѣшенія тѣхъ задачъ, которая предъявляетъ наша гносеология къ теоріямъ пространства и времени. Но вполнѣ соглашаясь съ этимъ требованіемъ, мы въ то же время полагаемъ, что выполнили его. Правда, наши критики высказываются иногда такъ, какъ будто они считаютъ логически немыслимыми нѣкоторыя стороны интуитивизма. Напр., П. Мокіевскій (см. «Русское Богатство» 1907 г.) удивляется, какимъ образомъ кратковременный актъ знанія можетъ реально содержать въ себѣ длительное бытіе.

Вопросы, отмѣченные П. Мокіевскимъ, подняты въ самомъ «Обоснованіи, интуитивизма» (стр. 234, 248) и, какъ мы полагаемъ, вполнѣ разрѣшены посредствомъ различенія *акта* сужденія и *содержанія* сужденія подобно тому, какъ Шуппе въ своей «Erkenntnisstheoretische Logik» (стр. 74) показываетъ, что весь пространственно-временныи міръ есть содержаніе сознанія я, но изъ этого не слѣдуетъ, будто я есть огромный *сосудъ*, охватывающій вселенную. Недоумѣнія критиковъ объясняются, быть можетъ, тѣмъ, что наши указанія условій, при которыхъ требование интуитивизма логически мыслимы, выражены въ слишкомъ абстрактной формѣ, поскольку полное рѣшеніе этихъ вопросъ мы предоставляемъ онтологіи. Замѣтимъ, что упрекъ, нѣсколько разъ повторенный проф. Лопатинъ, «отъ рѣшенія этого принципіального вопроса авторъ опять сурово отказываетъся: это дѣло вовсе не его, а чьей то будущей онтологии, которая должна превратить вещи, очень трудно мыслимыя, въ ясныя, незыблемыя истины» (стр. 199), несправедливъ. Ссылаясь на онтологію, мы имѣемъ въ виду не только абстрактную возможность онтологіи (хотя и на такія ссылки мы имѣли бы право), но и на свою собственную работу въ этой области, подлежащую опубликованію въ не особенно далекомъ будущемъ. Однако и не дожидаясь этой онтологіи, нетрудно понять, что если познающее я не локализируется въ пространствѣ и времени (для громадного большинства философовъ отрицаніе такой локализаціи обязательно), и если психологической *актъ* сужденія (вниманіе, подборъ словъ для рѣчи и т. п.), отличается отъ *содержанія* сужденія, то возможно, что Парижъ служить содержаніемъ моего сужденія, несмотря на то, что мое тѣло находится въ Петербургѣ (см. недоумѣнія проф. Лопатина, стр. 198).

Разсматривая историческую часть «Обоснованія интуитивизма», проф. Лопатинъ не соглашается съ тѣмъ, что скептицизмъ въ до-кантовской философіи есть слѣдствіе предположенія обособленности познающаго субъекта отъ дѣйствительного міра, такъ какъ рационалисты, болѣе обособившиe міръ отъ познающаго субъекта, тѣмъ не менѣе «до конца дней остались при своей вѣрѣ въ неограниченную мощь человѣческаго разума» (стр. 188). Однако, проф. Лопатинъ не принимаетъ при этомъ въ расчетъ, что рационалисты именно вслѣдствіе своихъ пред-

ставленій объ отношеніи познающаго субъекта къ вѣшнему міру, во первыхъ, гораздо болѣе скептически относятся къ опыту, чѣмъ эмпирісты, и во-вторыхъ, спасаютъ свой идеалъ знанія съ помощью фантастическихъ гипотезъ, въ которыхъ существенную роль играетъ Богъ, какъ *asylum ignorantiae*; поэтому то ихъ теоріи пришли къ скептическому саморазрушенню въ умѣ Канта, который усмотрѣлъ, что понятія *во мнѣ* не могутъ доставить мнѣ знанія о вещахъ *въ себѣ*.

Конечно, если проф. Лопатинъ борется противъ мысли, что скептицизмъ обусловленъ *исключительно* (стр. 188) тѣмъ мотивомъ, который указанъ нами, и указываетъ на дополнительныя условія («по малой мѣрѣ должно присоединиться еще что-то», стр. 189) возникновенія скептицизма, то мы съ нимъ вполнѣ согласны, но принимаемъ его соображенія, какъ дополненія, а не возраженія, такъ какъ мы вовсе не утверждали, будто скептицизмъ *сполна* обусловленъ *однимъ* какимъ-либо факторомъ.

Критикуя попытки индивидуалистического эмпирізма доказать существование вѣшняго міра, мы указываемъ на шаткость умозаключеній отъ дѣйствія къ причинѣ. С. Аскольдовъ (стр. 428) и проф. Лопатинъ (стр. 188) замѣчаютъ, что этимъ аргументомъ именно мы не имѣемъ права пользоваться, такъ какъ во второй части «Обоснованія интуитивизма» мы ставимъ себѣ, между прочимъ, задачу показать, что принципъ множественности причинъ несостоятеленъ, и что умозаключенія отъ слѣдствія къ основанію имѣютъ такую же силу, какъ и умозаключенія отъ основанія къ слѣдствію. Однако, наши критики упускаютъ изъ виду, что мы сохраняемъ право пользоваться этимъ аргументомъ противъ индивидуалистического эмпирізма, становясь на его собственную точку зрѣнія, т.-е. примѣнія къ нему имманентную критику. Въ самомъ дѣлѣ, для индивидуалистического эмпирізма или всѣ связи или, по крайней мѣрѣ, связи между данными вѣшняго опыта (а въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ именно о вѣшнемъ опытѣ) сводятся лишь къ отношеніямъ сосуществованія и послѣдовательности во времени и возникающимъ отсюда ассоціаціямъ представлений. На почвѣ этихъ теорій структуры вѣшняго опыта возникаетъ ученіе о множественности причинъ и скептическое отношение (Локка, Юма и Милля) къ общимъ сужденіямъ о связи между явленіями природы. Къ сожалѣнію, однако, мы не отмѣтили, что наша крити-

ка опирается на міросозерцаніе индивидуалистического эмпирима; поэтому наше изложение легко могло подать поводъ къ недоумѣнію.

Что касается сущности интуитивизма и аргументаціи, прямо обосновывающей эту теорію, главныя возраженія нашихъ критиковъ заключаются въ слѣдующемъ.

По словамъ проф. Лопатина (стр. 201), «единственное доказательство въ пользу мнѣній автора, о которомъ еще можно говорить серьезно, заключается у него въ *опроверженіи* другихъ гносеологическихъ теорій». С. Аскольдовъ также упрекаетъ «Обоснованіе интуитивизма» въ томъ, что оно «растетъ и крѣпнетъ на ниспровергнутыхъ мнѣніяхъ» (стр. 426). Съ этими замѣчаніями никоимъ образомъ нельзя согласиться. Аргументы отъ противнаго служатъ, правда, для насъ въ началѣ книги средствомъ подготовки для перехода къ нашему основному положенію имманентности познаваемаго бытія процессу знанія. Но затѣмъ уже въ III-ей главѣ положеніе устанавливается съ помощью самаго сильнаго изъ возможныхъ аргументовъ, именно съ помощью *указанія на фактъ* присутствія въ сужденіи того, къ чему сужденіе относится.

Къ аргументу, имѣющему характеръ указанія, приходится прибѣгать тогда, когда очевидный фактъ не принимается наблюдателями такъ, какъ онъ есть, а подмѣняется гипотезами, или потому, что вниманіе ихъ отклонено въ сторону отъ факта, или потому, что какіе либо предразсудки заставляютъ ихъ думать, будто наблюдаемый фактъ невозможенъ и долженъ быть подмѣненъ какою-нибудь гипотезою (какъ, напр., дѣлаетъ тотъ, кто, наблюдая дерево, думаетъ, будто содержаніе наблюденія есть не само дерево, а *проектированное представление* дерева). Въ такихъ случаяхъ, какъ известно, положеніе указывающаго на фактъ бываетъ чрезвычайно затруднительнымъ: приходится дѣлать разъясненія того, въ какомъ направлениі нужно сосредоточить вниманіе, чтобы усмотреть фактъ, какіе предразсудки догматы и т. п. препятствуютъ констатированію факта и т. п., причемъ все эти приемы вовсе не имѣютъ характера доказательствъ отъ противнаго. По отношенію къ проблемѣ наличности бытія въ процессѣ знанія аргументація путемъ ссылки на фактъ чрезвычайно обстоятельно развита въ литературѣ имманентной философіи (см., между прочимъ, *Erkenntnisstheoretische Logik*

Шуппе, стр. 69, гдѣ сказано, что въ данномъ случаѣ нужно «просто указать на фактъ») и потому мы, можетъ быть, недостаточно подробно изложили ее въ своей книгѣ, стремясь главнымъ образомъ показать, чѣмъ интуитивизмъ отличается отъ другихъ имманентныхъ теорій знанія, а не въ чемъ онъ сходенъ съ ними. Къ тому же, противники теоріи непосредственного восприятія борются противъ этого ученія путемъ указанія на противорѣчія и затрудненія, къ которымъ оно будто бы ведетъ. Поэтому наша задача во второй части книги должна была сводиться главнымъ образомъ, къ тому, чтобы показать, что противорѣчій не получится, и даже очень многие вопросы теоріи знанія и логики, затруднительные для трансцендентныхъ теорій знанія или и вовсе не поднимаемые ими, легко разрѣшаются нашею теоріею (напр., вопросъ объ общеобязательности истинныхъ сужденій, о всеобщности сужденій, о единичныхъ синтетическихъ сужденіяхъ, объ индуктивныхъ умозаключеніяхъ и т. п.).

Критикуя «Обоснованіе интуитивизма», и С. А. Аскольдовъ и Л. М. Лопатинъ не отрицаютъ сполна интуитивного восприятія, а борются только противъ того, чтобы весь процессъ познанія рассматривать, какъ имманентный, и объяснять его исключительно интуиціею. На стр. 202 проф. Лопатинъ говоритъ: «Въ особенности странно, что авторъ ни разу не спросилъ себя, нельзя ли для оправданія знанія ограничиться меньшими и не столь парадоксальными допущеніями. Вѣдь были у него предшественники, которые признавали непосредственное восприятіе нашего сознающаго «я» въ его внутренней дѣйствительности, признавали и прямое восприятіе реальности вѣнчшняго міра, поскольку онъ соприкасается съ нами; нерѣдко они допускали и непосредственное восприятіе абсолютного, поскольку оно есть внутренняя основа всего дѣйствительного, а стало быть и нашего познающаго субъекта» (стр. 202); такого же рода замѣчаніе у С. А. Аскольдова на стр. 425, гдѣ онъ утверждаетъ, что объектъ связанъ съ познаніемъ реальною связью, но эта связь только отчасти является непосредственною», стр. 433.

Въ отвѣтъ на это нужно замѣтить, что тотъ, кто допустилъ такое своеобразное свойство познающаго субъекта, какъ способность непосредственного восприятія вѣнчшняго міра въ однихъ случаяхъ, или въ одномъ какомъ-либо отношеніи, не можетъ

остановиться на полупути и отвергнуть его для какой-нибудь другой категории случаевъ. Это было бы равносильно тому, какъ если бы мы признали, что 2×2 въ некоторыхъ случаяхъ есть четыре, но бываютъ случаи, когда оно равно пяти. Въ самомъ дѣлѣ, какое *соприкосновение* нужно для того, чтобы познающій субъектъ воспринималъ транссубъективный міръ? Если бы это была пространственная смежность («пространство и время», говоритъ С. А. Аскольдовъ, «полагаютъ еще непреодолимыя преграды между человѣческимъ сознаниемъ и міровыми процессами», стр. 440), такъ что познающій субъектъ находился бы, напр., внутри мозга или вообще внутри тѣла, то въ такомъ случаѣ можно было бы утверждать, что онъ познаетъ непосредственно только состоянія своего тѣла (состоянія подчиненныхъ субъекту монадъ, если выражаться терминами монадологического спиритуализма), а весь остальной міръ познаетъ лишь косвенно, по его дѣйствіямъ. Но такихъ странныхъ представлений, согласно которымъ познающій субъектъ находится *внутри* опредѣленного пространства, напр., внутри тѣла, мы не станемъ приписывать своимъ критикамъ! Слѣдовательно, о соприкосновеніи можетъ идти рѣчь лишь въ смыслѣ духовнаго отношенія. Но такое отношеніе мы и находимъ въ процессѣ мышленія о вещи, именно въ процессѣ сосредоточенія вниманія на ней и дифференцированія ея путемъ сравніванія. Если въ отношеніи къ некоторымъ вещамъ транссубъективнаго міра такое «соприкосновеніе» возможно, то нѣть основаній, почему бы оно не было возможно и въ отношеніи ко всѣмъ. Утверждая это, мы тѣмъ самымъ признаемъ, что если вещь A производить дѣйствіе B (напр., измѣненія въ моемъ тѣлѣ), то мы можемъ познать, какъ самое A, такъ и его дѣйствіе B, и на извѣстныхъ ступеняхъ развитія мы болѣе сосредоточиваемся на познаніи дѣйствій вещей на наше тѣло (знаніе о вкусахъ, запахахъ и т. п.), чѣмъ на познаніи самихъ вещей. Въ этомъ признаніи нѣть никакой половинчатости, въ которой упрекаетъ насъ С. А. Аскольдовъ (стр. 433), нѣть допущенія трансцендентнаго знанія, и есть средства для того, чтобы не вступить въ противорѣчіе съ учениемъ о субъективности ощущеній. Точно также для нашей теоріи нисколько не является «убѣжденнымъ» тотъ «фактъ, что о процессахъ внутри нашего организма и даже въ элементахъ нашей нервной системы мы непосредственно знаемъ еще гораздо менѣе, чѣмъ

о событияхъ въ окружающемъ мірѣ» (проф. Лопатинъ, стр. 194). У насъ нѣтъ тѣхъ свѣдѣній о нервныхъ клѣткахъ, мускулахъ и т. п., которая есть у анатома или физіолога, но насколько это нужно для благосостоянія тѣла, у насъ есть довольно много, хотя и отрывочныхъ свѣдѣній, напр., свѣдѣнія о пріятныхъ и непріятныхъ *переживаніяхъ* мускульныхъ тканей при движеніяхъ кишечника, при процессѣ пищеваренія, при воспалительныхъ процессахъ слизистыхъ оболочекъ и т. п. и т. п. На вопросъ, почему же эти знанія о нашемъ собственномъ тѣлѣ такъ отрывочны, и далѣе на вопросъ о томъ, почему мы имѣемъ еще менѣе полныя свѣдѣнія о транссубъективномъ мірѣ (проф. Лопатинъ, стр. 193), мы отвѣтимъ, что наши критики слишкомъ мало обратили вниманія на роль *практическаго* элемента въ познаніи, отмѣчаемую нами: все содержаніе міра непосредственно дано намъ для познанія, но изъ этого безконечно богатаго содержанія только то оказывается познаннымъ (да и то лишь настолько, насколько въ каждомъ данномъ случаѣ процессъ сравненія не встрѣчаетъ особыхъ затрудненій), что соотвѣтствуетъ нашимъ потребностямъ, и на чёмъ поэтомъ мы прежде всего сосредоточиваемъ вниманіе. Нельзя не согласиться, что развитие человѣческаго знанія идетъ именно такимъ путемъ, какой указываютъ эмпирісты вродѣ Маха (см., напр., его *Erkenntnis und Irrthum*, 2-е изд., стр. 132 с.), разсматривающіе знаніе, какъ процессъ біологическаго приспособленія организма къ средѣ.

Если наши критики скажутъ, что, согласно нашей теоріи, стоитъ только человѣку захотѣть сосредоточить свое вниманіе на Богѣ, и онъ познаетъ Бога такъ же отчетливо, какъ онъ знаетъ свою домашнюю обстановку, то мы отвѣтимъ на это: да, но для того, чтобы такое хотѣніе возникло не на словахъ, а на дѣлѣ, нужно сначала стать *святымъ*, въ противномъ случаѣ возможно, что я скажу, будто хочу созерцать Бога, а въ дѣйствительности начну созерцать надвигающуюся грозовую тучу, опасаясь бури, или сосредоточусь сначала на зубной боли, которую надо устраниТЬ, чтобы она не мѣшала моему созерцанію Абсолютнаго. Этотъ примѣръ показываетъ, какое важное значеніе имѣетъ при разборѣ вопроса о воспріятіи вѣнчанаго міра безъ помоши органовъ чувствъ ссылка на «интересъ», сдѣланная нами мимоходомъ и не удовлетворившая нашихъ критиковъ (С. А. Аскольдовъ, стр. 10; Л. М. Лопатинъ, стр. 193 с.) Отсюда

также ясно, почему такъ велико различие по степени живости и полноты между моимъ представлениемъ о Наполеонѣ и моимъ воспріятіемъ человѣка, стоящаго передо мною, при чёмъ слѣдуетъ однако замѣтить, что историкъ, хорошо изучившій эпоху Наполеона, можетъ усмотретьъ и такія черты Наполеона, которыхъ оставались совершенно неизвѣстными его современникамъ (см. замѣчаніе С. А. Аскольдова, стр. 437).

Вообще, совершенная объединенность міра, требуемая нашею точкою зрења, кажется невозможнаю нашимъ критикамъ. Проф. Лопатинъ, напр., совѣтуетъ намъ «удовлетворяться болѣе скромнымъ предположеніемъ», слѣдя за тѣми философами, которые полагали, что въ «непосредственно данномъ есть и такія стороны, которыхъ нѣтъ смысла ограничивать только областью нашихъ психическихъ переживаній и въ которыхъ, напротивъ, нашъ умъ невольно постигаетъ ихъ универсальное значеніе, подобно тому, какъ геометръ на основаніи одного конкретнаго рисунка доходитъ до самыхъ общихъ истинъ о всякомъ пространствѣ» (стр. 203).

Но проф. Лопатинъ упускаетъ изъ виду, что наша теорія, поскольку мы отстаиваемъ реальность общаго, именно и показываетъ, какъ возможно постигать универсальное значеніе того, что дано въ единичномъ наблюденіи, и потому наша теорія менѣе загадочна, чѣмъ теоріи трансцендентнаго раціонализма, согласно которымъ мы «невольно постигаемъ» универсальное значеніе своихъ психическихъ переживаній. Что же касается соединимости средневѣковаго реализма съ реализмомъ непосредственныхъ воспріятій (стр. 203), замѣтимъ, что имманентный раціонализмъ (напр., Шеллинга и Гегеля) уже дѣлалъ плодотворные шаги въ этомъ направлениі.

Объ опроверженіи проф. Лопатинымъ нашихъ взглядовъ путемъ приведенія нашихъ разсужденій «въ строгую силлогистическую форму», замѣтимъ, что такія опроверженія всегда представляютъ собою *Kunststück*, основанный или на упрощеніи чужихъ взглядовъ или на построеніи силлогизма не изъ тѣхъ посылокъ, которыми пользуется авторъ. Въ самомъ дѣлѣ, проф. Лопатинъ полагаетъ, что наши разсужденія отливаются въ форму неправильнаго вывода по третьей фигурѣ силлогизма: «то, что дано нашему сознанію, имманентно познавательному процессу;

то, что дано нашему сознанию, есть *не-я*; следовательно, всякое *не-я* имманентно познавательному процессу» (стр. 192). Мы же полагаемъ, что наши разсужденія представляютъ собою правильный выводъ по первой фигурѣ силлогизма изъ слѣдующихъ посылокъ: то, что дано нашему сознанію, имманентно познавательному процессу; всякое познаваемое нами *не-я* дано нашему сознанію; слѣдовательно, всякое познаваемое нами *не-я* имманентно познавательному процессу. И дѣйствительно, утверждать, будто «то, что дано нашему сознанію, есть *не-я*» мы никоимъ образомъ не можемъ: мы рѣшительно указываемъ на то, что, напр., волевые акты познающаго субъекта, *данніе* его сознанію, какъ объектъ для наблюденія и опознанія, мы не называемъ словомъ *не-я* (иными словами, говоря о *я*, мы имѣемъ въ виду всю сферу жизни *я*, т.-е. и само *я* и всѣ состоянія и дѣятельности *я*). Отсюда ясно, что согласно нашей терминологіи представление проф. Лопатина объ «Обоснованіи интуитивизма» вовсе не все сполна есть «*не-я*» для проф. Лопатина: поскольку въ это представление входитъ посылка, не встрѣчающаяся въ «Обоснованіи интуитивизма» и конструированная самимъ нашимъ почтеннымъ критикомъ, постольку въ его представлениі о нашей теоріи знанія есть элементы его собственнаго *я*; и справедливая критика нашихъ гносеологическихъ теорій возможна для проф. Лопатина только постольку, поскольку онъ подвергаетъ обсужденію не свои конструкціи, а дифференцированныя имъ (при чтеніи книги и во время личной бесѣды) наши представленія.

Что же касается «какого-нибудь неизвѣстнаго» проф. Лопатину тамбовскаго читателя «Обоснованія интуитивизма», замѣтимъ, что поскольку проф. Лопатинъ произвольно ставить въ связь представление обитателя Тамбова и «Обоснованія интуитивизма» и такимъ образомъ получаетъ представление тамбовскаго читателя «интуитивизма», онъ имѣетъ дѣло не только съ чѣмъ-то явнымъ образомъ имманентнымъ своему сознанію, но даже и съ дѣятельностью своего фантазирующего *я*.

По поводу возраженій С. А. Аскольдова противъ нашего анализа умозаключенія по аналогіи, которое могло бы быть источникомъ знанія о существованіи внѣшняго міра, слѣдуетъ замѣтить, что ошибки, указанныя нами въ немъ, приписываются нами

лишь тѣмъ эмпиристамъ, которые «утверждаютъ, будто путемъ такого умозаключенія впервые получается представлениe о вѣнчнемъ мірѣ» («Обоснованіе интуитивизма», стр. 37). А о тѣхъ эмпиристахъ, которые строятъ представлениe о мірѣ «не-я» «изъ специфической окраски нѣкоторыхъ ощущеній какъ» «сопротивляющихся», «косныхъ», «мѣшающихъ», «непослушныхъ», въ противоположность чувствамъ, представлениямъ, моторнымъ ощущеніямъ, какъ «измѣнчивымъ», «подвижнымъ», «повинующимся» (см. Аскольдовъ, стр. 429), самъ С. А. Аскольдовъ говоритъ, что для нихъ противоположность между «я» и «не-я» «вполнѣ можетъ быть объяснена глубокою противоположностью указаныхъ субъективныхъ переживаний другимъ субъективнымъ же переживаниемъ» (стр. 429 с.). Такие эмпиристы, какъ бы сложны ни были ихъ представлениe о мірѣ «не-я», все же считаютъ себя оперирующими только со своими субъективными переживаніями и потому должны причислить себя къ солипсистамъ. Если бы они далѣе пожелали освободиться отъ солипсизма путемъ умозаключенія по аналогіи о существованіи другихъ я, то это умозаключеніе опять таки не привело бы къ цѣли, такъ какъ съ его помощью они только осложнили бы міръ *своихъ* «мѣшающихъ» ощущеній міромъ *своихъ* воспроизведенныхъ печалей, радостей, хотѣній и т. п.

Въ заключеніе, по поводу шутливаго замѣчанія С. Аскольдова, называющаго нашу гносеологію «божественною», а «не человѣческою» (стр. 441), напомнимъ, что всякое основное свойство духа имѣетъ божественный характеръ, и различие между идеаломъ знанія и человѣческою познавательною дѣятельностью, быть можетъ, заключается лишь въ слѣдующемъ: идеаль знанія до-стижимъ лишь для того существа, которое способно сразу охватить вниманіемъ всѣ элементы міра и, сравнивъ *все со всѣмъ*, созерцать цѣльный и въ то же время дифференцированный образъ всего міра. Человѣческое знаніе хотя и развивается съ помощью тѣхъ же способностей вниманія и сравненія, отступаетъ безконечно далеко отъ этого идеала; такъ какъ заключаетъ въ себѣ всегда лишь ничтожно малую часть безконечнаго міра, и потому всякое сужденіе, устанавливаемое не только въ обыденной жизни, но даже и въ наукѣ, не исключая и аксиомъ, есть только *приближеніе* къ истинѣ, требующее по мѣрѣ развитія на-

уки поправокъ въ двухъ направленихъ, именно, съ одной стороны, дополненій къ своему содержанію, а съ другой стороны, выключеній изъ него (см. «Обоснованіе интуитивизма», стр. 352—357). Такимъ образомъ наша гносеология, оцѣнивая результаты человѣческой познавательной дѣятельности, приходитъ къ скептицизму, правда, къ скептицизму не абсолютному (какъ, напр., теорія знанія Канта въ вопросѣ о познаваемости сверхчувственнаго міра), а только *относительному*.

Н. Лосскій.
